

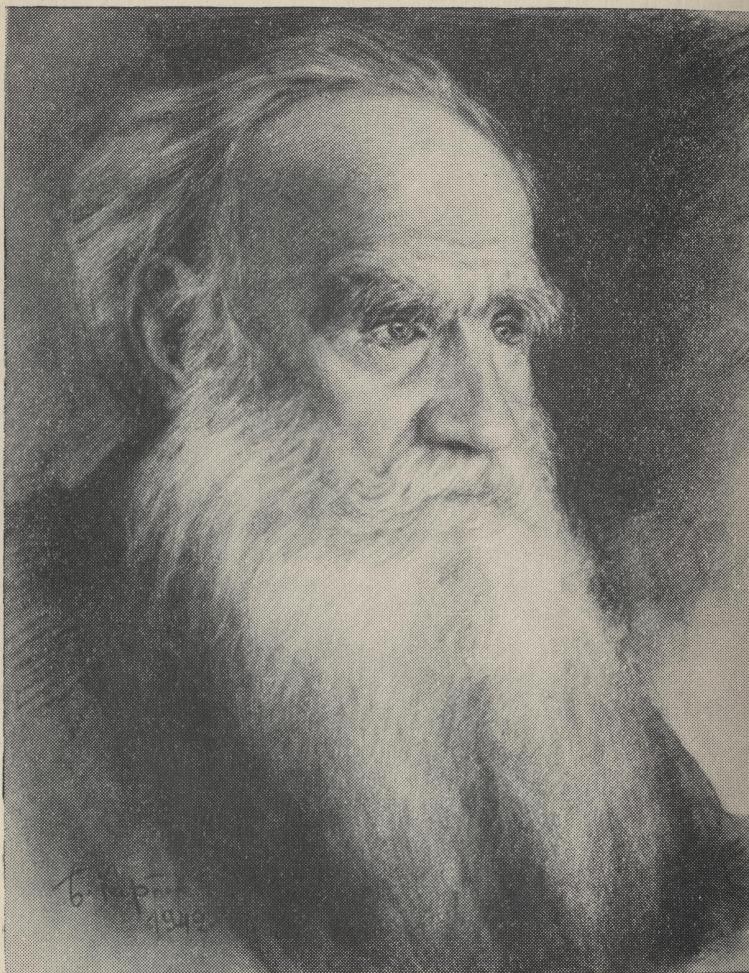
А. Ф. РОДИН

ПО ТОЛСТОВСКИМ
МЕСТАМ
МОСКВЫ

Издательство
Академии педагогических наук
РСФСР
1953

Лев Николаевич Толстой. С рис. Б. Карпова

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
ИНСТИТУТ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ

ЗАОЧНАЯ МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

А. Ф. РОДИН
кандидат педагогических наук

ПО ТОЛСТОВСКИМ МЕСТАМ
МОСКВЫ

Экскурсия по улицам города
к 125-летию со дня рождения
Л. Н. Толстого

*Под редакцией
действительного члена АПН РСФСР
проф. В. В. ГОЛУБКОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
Москва 1953

Трудноуважаемый

Константину Александровичу

Федору

Руководителю Комиссии по оценке состояния

125-летия со дня рождения А.Н. Толстого

8-VI 1953

от администрации

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение	3
I. Материал к вступительному слову учителя	7
II. Маршрут экскурсии	13
1. Дом № 11 по Плющихе	14
2. Дом № 4 по Большому Каковинскому переулку . .	19
3. Бывшая Собачья площадка	22
4. Дом № 12 по Малому Николопесковскому переулку .	24
5. Дом № 36 по Сивцеву Вражку	27
6. Дома № 25 и 27 по Сивцеву Вражку	31
7. Дом № 25 по Гагаринскому переулку	33
8. Кропоткинская улица, против Музея Толстого . .	34
9. Дом № 32 по Кропоткинской улице и дом № 3 по Ма- лому Левшинскому пер.	36
10. Сквер Девичьего поля	40
11. Музей-усадьба Л. Н. Толстого	41

Редактор С. Н. Чернышева

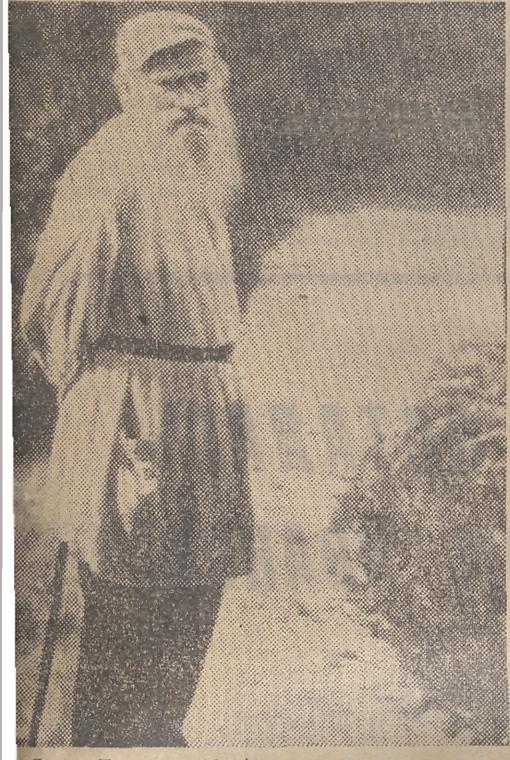
Техн. редактор Т. Н. Мухина

А 03147 Сдано в набор 12/V-1953 г. Подп. к печ. 10/VI-1953 г.
Бумага $84 \times 108^{1/32}$ = 0,75 + 0,06 вклейка бум. л. = 2,46 + 0,1 вклейка п. л.
Уч.-изд. л. 2,50 Тираж 25 000 Цена 70 к. — номинал по
прейскуранту 1952 г. Заказ 525

Типография изд-ва АПН РСФСР, Москва, Лобковский пер., 5/16.

on Podus Queen Charlotte Peopojolus
Mackie I., Gaspodar w Sagle, S no 41

СВЕ ТОЛСТОМ

Ясная Поляна. 1909 г.

ские. Самарин отрицал это. Садов об заклад. Был пустить живую лошадь, английскую. Всей душой наше папа, нашему гордому англичану скакал нашего пника... особенно любилася его настиче, резкие ее реции, сми, большой нос, кро- игрушечные,ые ручки сми, такие же и, обутые в но женские нки, большой голова — все блекательно.

Чет имел при- ривал, очень между словами он начи- чи что-нибудь, о быть смеш- о тянула, так вою речь мы- ения недостат- то, и в конце выходил сов-

очень люби- ми, когда памя умным омых и гово- Фета, у него так понимал выразил бы ему саниях... недоумевали папа и даже

ПОСЛЕ Октябрьской революции Ясная Поляна стала музеем, и первым хранителем его была Татьяна Львовна. В 1920 году она переехала с дочерьми в Москву и принимала активное участие в создании государственных музеев Толстого в Москве, а с 1923 года стала директором их. В одном из позднейших писем на упреки младшей сестры, что в музее «слишком по-семейному», она отвечает, что, будучи директором, «очень сознательно» добивалася, чтобы в музее «все было дружно, близко и открыто». «Я всегда, когда могу, нарушаю официальность», — писала она, — и перехожу на человеческие отношения... Я по опыту всей жизни пришла к тому, что дело делается только из-за любви к делу, и **БОЛЬШИЕ** дела делаются **МАЛЕНЬКИМИ** людьми (маленькими не по их ценности, а по их скромности). И в нашем музее были люди, любящие свое дело и работающие за совесть».

Весной 1925 года Татьяна Львовна по командировке выехала за границу с лекциями о Толстом. Она не предполагала, что покидает родину на всегда. «Много интересного, кое-что нужно, но все чаще и чаще у меня чувство — особенно вечером, когда прихожу спать, — что «домой желаю», — пишет она брату, Сергею Львовичу, в апреле 1925 года. И в других письмах она говорит о предполагаемом возвращении в Россию, спрашивая, или дела в музее.

Однако вернуться на родину ей не пришлось. Дочь Татьяны Львовны вышла замуж за итальянца, расстаться с единственной дочерью она не решилась.

Но связь с родиной оставалась. Главным образом письменная. Важнейшее место в архиве Татьяны Львовны занимает переписка с братом, Сергеем Львовичем.

В переписке этой, разумеется много внимания уделено личной и семейной жизни каждого, однако содержатся также поистине драгоценные свидетельства о Тол-

рассказывал ей обо всем, и особенно о самом главном — о подготовке 90-томного собрания сочинений Толстого, в которой и он участвовал, а потом следил, чтобы посыпалась Татьяне Львовне все выходящие тома.

В эти годы Сергей Львович готовил к изданию дневники матери. Работая над подготовкой дневника и над предисловием к нему, Сергей Львович перечитывал автобиографию матери, озаглавленную ею «Моя жизнь». Она охватывает период с 1844 по 1901 год включительно.

«В ней сквозит везде желание оправдаться перед потомством, — писал Сергей Львович сестре 27 сентября 1927 года. — Но «qui s'excuse s'accuse» [«Кто извиняется, тот признает свою вину】]. Написана она далеко не так живо, как дневник, и даже не так правдиво. Это не документ, тогда как дневник есть документ... Вероятно, когда-нибудь «Моя жизнь» будет издана, но сейчас едва ли это желательно и возможно».

Сейчас издательство «Художественная литература» готовит переиздание дневников С. А. Толстой. Ввиду этого немаловажно услышать сказавшие нам теперь известный голос старших сына и дочери Толстого об этих материалах.

Больше всего волнений и тяжелых воспоминаний вызвал у Сергея Львовича и его сестры дневник за 1910 год.

МИНУВШЕГО СВИДЕТЕЛЬСТВА ЖИВЫЕ

Письма из архива Т. Л. Сухотиной-Толстой

«Если бы можно было прислати мне копию с рукописи последнего дневника матери, — мне было бы интересно. Ты пишешь, что он не правдивый. Поэтому необходимо, чтобы ты или я сделали к нему комментарий, потому что мы знаем правду. А после нас некому будет восстановить истину», — писала Татьяна Львовна 2 сентября 1932 года. Именно такое настоятельное желание «восстановить истину» заставило Татьяну Львовну выступать с лекцией о «семейной драме» родителей. Лекция эта была в 1928 году напечатана в журнале «Семья и общество».

возвращаться к 1910 году не буду».

В последующих письмах Сергей Львович подробно сообщал сестре, как отмечалось в Москве 25-летие со дня смерти Толстого.

Переписка Т. Л. и С. Л. Толстых была прервана надолго в годы Великой Отечественной войны. И в первом после перерыва письме Татьяна Львовна писала: «Милый и очень дорогой брат Сережа! Мне сказали, что ты жив и здоров. Какая радость! Представь себе, что и я тоже! Живи! И хотя, вероятно

пишет мне письма, полные вопросов. На днях просил меня перечесть в «Войне и мире» охотничьи описания и написать, не сделал ли он ошибок в охотничих терминах. Я считаю своим долгом на все эти запросы отвечать, так как есть многое, на что, пожалуй, только мы — старшее поколение — можем ответить» (9 марта 1935 г.).

До последних лет жизни Татьяна Львовна не переставала работать. В 1941 году итальянское издательство Мондадори заказало ей антологию из малоизвестных итальянской публике произведений Толстого и отрывков из черновых вариантов. Она занималась этим «с увлечением».

Спустя несколько лет 80-летняя Татьяна Львовна писала: «Я живу работой над отцом» (ей же, 30 августа 1944 г.). А еще через два года: «Я всегда зимой прихва- рываю, но в светлые промежутки кое-что работаю. Издаю выборные письма отца по-итальянски... Потом напи- сала биографию отца до же- нитбы для молодежи. Соб- ственно, начала это для Лу- иджи (внука. — Ред.), а потом итальянское издательство предложило мне издать эту книгу, на что я, конечно, с радостью согласилась» (январь — март 1946 г.).

Многочисленные письма других родственников к Татьяне Львовне содержат почти исключительно рассказы о себе и своих семьях, но они, конечно, не лишены интереса, поскольку связаны так или иначе с Толстым.

Мы говорили о переписке Татьяны Львовны с Россией. Теперь немного о переписке с разными лицами за границей. К приехавшей за границу дочери Толстого потянулись многие: и старые знакомые, встречавшиеся прежде с Толстым, а также новые знакомые, которым имя Толстого было дорого. Известны нам теперь восемь писем И. А. Бунина. Приводим одно из них, от 27 апреля 1934 года:

«Дорогая Татьяна Львовна. Прости меня, ради Бога, за молчание — ездил в Париж, тысячи мелких, но неотложных дел, потом очень хворал (неопасной, но очень ослабляющей болезнью, нашей старинной дворянской — потерей крови). Страшно был тронут Вашей дружественностью — тем, что прислали мне о

— все
кательно.
имел при-
я, очень
жду слова-
и он начи-
т-нибудь,
быть смеш-
тина, так
о речь мы-
и недоста-
и в конце
годил сов-

ень люби-
когда па-
ним умным
их и гово-
ра, у него
понимал
ал бы ему
их...
шумевали
и даже
лись над
ем Афа-

ы, дети,
тдельным
клили, а
и разго-

ь слова
го своим
ом, какие
сы и как
воздель-
ших щей

каши...
ничего...
усок мя-
ше ниче-
мм... хо-
льше ни-

омежут-
ю, Фет
ходимые
предме-
и за сво-
им, под-
под ло-
шивший
баваяли
обходи-

коробке
больше
, захле-
горошей
бутылку
ше ни-
я тоже

его же-
Марья
или го-
намени-
и была
вяло-
тельно-

мы со-
отноше-
, а вы-
тиное
Афана-
научи-
кий ум.

ировна по командировке вы-
ехала за границу с лекциями
о Толстом. Она не предполагала,
что покидает родину на-
всегда. «Много интересного,
ко-что нужно, но все чаще
и чаще у меня чувство — осо-
бенно вечером, когда прихо-
жу спать, — что «домой же-
лаю», — пишет она брату,
Сергею Львовичу, в апреле
1925 года. И в других пись-
мах она говорит о предполага-
емом возвращении в Рос-
сию, спрашивает, как дела в
Музее.

Однако вернуться на роди-
ну ей не пришлось. Дочь Татьяны
Львовны вышла замуж
за итальянца, расстаться с
единственной дочерью она не
решилась.

Но связь с родиной остава-
лась. Главным образом пись-
менная. Важнейшее место
в архиве Татьяны Львовны за-
нимает переписка с братом,
Сергеем Львовичем.

В переписке этой, разумеется
много внимания уделено
личной и семейной жизни
каждого, однако содержатся
также поистине драгоценные
свидетельства о Толстом
старших его детей, близких
и отцу и оказавших
ему моральную поддержку в
последние трудные дни.

ЧЕРЕЗ всю переписку
проходит ничем не на-
рушаемый интерес к
изучению и пропаганде твор-
чества их великого отца.
Татьяна Львовна подробно
сообщает о своих лекциях.
Основными темами их были:
семейная драма родите-
лей и Толстой об искус-
стве. «В Европе лекции дают
очень мало, так что жить на
это невозможно. Но я рада
оживить интерес к Толстому,
который очень понизился за
последнее время. Мое пребы-
вание сделало очень много к
поднятию этого интереса», —
писала она из Страсбурга
18 апреля 1926 г.

Сообщала Татьяна Львовна
и о том, что делается за руб-
ежом в отношении Толстого.

За границей жили три сына
Толстого — Илья, Лев и Ми-
хаил. Татьяна Львовна пере-
писывалась с ними, иногда
встречалась. Своими впечат-
лениями делилась со старшим
братьем. Писала ему однажды
о публичных выступлениях
Льва Львовича против отца.
Это вызвало огорченный от-
клик Сергея Львовича: «Как
же он не понимает, что его
выходки против отца роняют
его, а совсем не отца. Можно
быть несогласным с некоторы-
ми взглядами отца, но нель-
зя к нему относиться не-
доброжелательно. А не люб-
ить его художественные про-
изведения значит быть лишен-
ным понимания всякой худо-
жественной литературы» (18
мая 1937 г.).

В конце 1926 года началось
уже движение к предстоящему
100-летию со дня рожде-
ния Толстого. Татьяна Львовна
интересовалась, как в
Москве готовятся к юбилею.
Сергей Львович подробно

ЖИВЫЕ

Письма из архива Т. Л. Сухотиной-Толстой

«Если бы можно было при-
слать мне копию с рукописи
последнего дневника матери, — мне было бы интересно.
Ты пишешь, что он не правдивый. Поэтому необходимо, чтобы ты или я сделали к нему комментарий, потому что мы знаем правду.
А после нас некому будет восстановить истину», — писала Татьяна Львовна 2 сентября 1932 года. Именно такое настоятельное желание «восстановить истину» заставило Татьяну Львовну выступить с лекцией о «семейной драме» родителей. Лекция эта была в 1928 году напечатана в парижском журнале «Europe», № 67, посвященном Толстому (перепечатана в переводе на русский язык в «Литературном наследстве», т. 69, кн. 2). Брату она писала:

«О дневнике 10-го года я не знала. Знаешь, тяжело выставлять всю внутреннюю драму родителей наружу, но раз уже начали о ней писать и говорить, не следует, может быть, ничего скрывать. Я думаю, что ты сумеешь беспристрастно осветить все положение. Мы с тобой потому могли правильно судить, что, во-первых, мы любили и мать, и отца (чего нельзя сказать об остальных деяниях), и, во-вторых, потому, что для нас материальная сторона не имела значения. Конечно, мы оба заслуживаем одного упрека: это то, что мы недостаточно активно вмешались в махинации Черткова и Саши. В жизнь же родителей надо было вмешаться только для того, чтобы дать им сговориться между собой без всяких посредников и «охранителей матери». («Охранители Т. Л. называют братьев Льва и Андрея.») (28 июня — 11 июля 1933 г.)

Приступив к подготовке по-
следнего тома дневника за
трагический 1910 год, Сергей
Львович вновь пишет:

«Читал я последнее время
«Мою жизнь» нашей матери.
Многое мне уяснилось, но в
двух словах не умею это вы-
разить, какую она прожила
несчастную жизнь!» Далее он
жалуется, что трудно писать
предисловие. «Вообще выйдет
очень интересная книга,
но очень тяжело опять пережи-
вать 1910 год» (сентябрь 1933 г.). «Работая над днев-
ником матери, я переживал
вновь кошмарный 1910 год,
— писал он сестре через два
года. — Твоя роль в 1910 го-

возвращаться к 1910 году не
буду.

В последующих письмах
Сергей Львович подробно со-
общал сестре, как отмечалось
в Москве 25-летие со
дня смерти Толстого.

Переписка Т. Л. и С. Л. Тол-
стых была прервана надолго
в годы Великой Отечествен-
ной войны. И в первом
после перерыва письме Татьяны
Львовны писала: «Мильный и очень дорогой брат
Сережа! Мне сказали, что ты жив и здоров. Какая радость! Представь себе, что я тоже... Живи! И хотя, вероятно, мы никогда не увидимся, а все-таки радостно знать, что ты еще мыкаешься на этой земле» (29 августа 1944 г.).

После смерти брата Татьяны
Львовны писала своей племяннице А. И. Толстой-Поповой:
«Я теперь жалею о том, что редко писала ему, о моей неизменной и верной дружбе он знал. И знал также то, что во всех важных вопросах мы были заодно. Мы делили друг другу carte blanche решать все вопросы, которые возникали бы в деле отцовского наследства, и знали, что каждый решит так, как это сделал бы другой. И отец еще спаял нас в своем последнем письме, назвавши нас «истинные друзья Сережа и Таня» (6 января 1948 г.).

Анна Ильинична Толстая-
Попова — второй близкий
корреспондент Татьяны Львовны
из Москвы. Почти в каждом
письме она рассказывала
о Сергееве Львовиче, с кото-
рым до его смерти сохраняла
самые родственные отно-
шения и заботилась о нем.
Наряду со всем личным, се-
мейным, она знакомила тес-
тушку с ведущимися тогда
работами о Толстом, в кото-
рых она принимала участие.

Татьяна Львовна в ответ со-
общала ей о своих выступле-
ниях.

«По поводу 25-летия со
дня смерти отца я получила
много журналов, газет и пи-
сем, некоторые интересные...
Я прочла маленький доклад
в русском здешнем собра-
нии. Здешние русские очень
узкие и нетерпимые люди,
так что я думала, что мой
доклад будет встречен холодно.
Но оказалось, что вечные
истины, которыми жил твой
дед, нашли отзвук в созна-
нии многих, и атмосфера бы-
ла очень благожелательная» (13 декабря 1935 г. из Рима).
В другом письме: «Готовлю
три лекции по-французски.
Работа идет черепашьими
шагами. Одна будет «Толстой
и искусство», другая — «Тол-
стой и дети» и третья —
«Толстой и женщины». Много
приходится отвечать на запро-
сные письма о Толстом.
Сейчас один французский пи-
сатель Франсуа Порше пи-
шет о Толстом и постоянно
запрашивает меня о разных
подробностях. Я жалею, что
того же не сделали Андре
Пьер и Гофман, которые на-
писали очень милую книгу о
Толстом, но полную фактиче-
ских ошибок. Эйльмер Модд
заканчивает английское изда-
ние перевода и постоянно

ищаются с толстым.

Мы говорили о переписке
Татьяны Львовны с Россией.
Теперь немного о переписке
с разными лицами за границей.
К приехавшей за границу
дочери Толстого потянулись
многие: и старые знакомые,
встречавшиеся прежде с Тол-
стым, а также новые знакомые,
которым имя Толстого было
дорого. Известны нам
теперь восемь писем И. А.
Бунину. Приходит одно из
них, от 27 апреля 1934 года:

«Дорогая Татьяна Львовна.
Простите меня, ради Бога, за
молчание — ездил в Париж,
тысячи мелких, но неотлож-
ных дел, потом очень хворал
(неопасной, но очень ослаб-
ляющей болезнью, нашей ста-
ринной дворянской — поте-
рей крови). Страшно был тро-
нут Вашей дружественностью
— тем, что прислали мне о
последних днях Ильи Львовича.
Сама рукопись произвела на меня чрезвычайное впе-
чатление, и я так благодарен
Вам, что Вы дали мне воз-
можность ее прочесть. Целую
Ваши ручки с большой любо-
вью и родственностью: ведь
Вы, Толстые, истинно
как родные были мне всю
жизнь. Осенью, думается, не-
пременно буду в Италии, сча-
стлив буду навестить Вас.
Преданный Вам И. А. Бунин».

Марина Цветаева также
прислала Татьяне Львовне с
дочерью приглашение на ве-
чер ее стихов 27 мая 1928 го-
да. В следующем письме со-
общает о посылке ее книж-
ки: «А книжку послала Вам
не для чтения, а просто, как
знаю внимание и симпатии, —
на стихи нужно время, знаю,
что у Вас его нет».

В сентябре 1928 года Татья-
на Львовна послала Ф. И. Ша-
ляпину книгу, вероятно, одну
из книг о Толстом, изданных
в Москве к 100-летию со дня
его рождения. Книга вызвала
у Шляпина воспоминание о
вечере 9 января 1900 года,
когда он пел в доме Толсто-
го в Москве, и Толстой пода-
рил ему свою фотографию с
надписью. 22 сентября Шля-
пин ответил Татьяне Львовне:
«Дорогая, глубокоуважаемая
Татьяна Львовна, спасибо за
память и за книжку. Я так об-
радовалась ее получить от
Вас: «Мне грустно и легко, пе-
чаль моя светла...» Как ярко
оживают в памяти моей «Ха-
мовники». Какое великое на-
слаждение испытал я петь
Льву Николаевичу. Как гор-
жусь я той великой для меня
минутой в моей жизни, и как
я огорчен, что не могу спеть
для него сейчас, когда прошло
сто лет со дня вступ-
ления его в жизнь... Хворо-
ю немножко! Должно быть, начи-
наю стареть... Противно это —
поддаваться старости! Впро-
чем, я не ною, я радуюсь, я живу,
и никакие огорчения
меня не сгибают... привычка,
я думаю. Так и Вам, дорогая,
желаю бодрости духа, в с
ним и здоровья и счастья.
Глубоко уважающий Вас Фе-
дор Шляпин».

Все полученные письма из
архива Т. Л. Сухотиной-Тол-
стой ценные не только как го-
лос минувшего, — это драго-
ценные документы для исто-
рии эпохи, связанной с Тол-
стым.

Публикацию подготовили
старшие научные
сотрудники Музея
Л. Н. Толстого
Э. ЗАЙДЕНШНУР,
Б. ШУМОВА

Н. Толстой с дочерью —
П. Сухотиной-Толстой.
1902 г.

Фото В. БРОМБЕРГА

Альбертина (внучка
Толстого) с сыном Лу-
исом Альбертины в Ясной
Поляне. Июль 1975 г.

Фото В. БРОМБЕРГА

гнулся, стал меньше ростом, и светлые глаза его стали более ласковыми и часто грустными.

И в детстве, и позднее мы редко слышали от него замечания, — но если папа нам что-нибудь сказал, то это не забывалось и исполнялось беспрекословно.

В свободное от занятой время папа был самым веселым человеком, какого я когда-либо знала. С ним всегда бывало весело: казалось, стоило ему показаться, как сейчас же начиналось что-нибудь очень интересное и забавное. Казалось, что прививала какая-то новая волна жизненной энергии.

Меня он звал «Чуркой», и это прозвище мне очень нравилось, потому что он употреблял его тогда, когда был весел и когда хотел меня привлечь или пошутить со мной.

За всю мою жизнь то особенно сильное чувство любви и благоговения, которое я испытывала к отцу, никогда не ослабевало. И по тому, что я сама помню, и по тому, что мне рассказывали — и он особенно нежно всегда ко мне относился.

Помню я, как я иногда забиралась к нему на колени и принималась щекотать его под мышками и за воротом. Он боялся щекотки и начинал хохотать, кричать и отбиваться.

А мне было весело, что вот такой сильный, важный человек, который все может, — в моей власти.

...Может показаться странным, что я, вспоминая свое детство, мало говорю о своих родителях. Но это происходит потому, что папа и мама я помню как что-то всегда с нами нераздельно существующее, чего я почти не замечаю. Человек не замечает того воздуха, которым он дышит и который необходим для его существования, так и я не замечала своих родителей.

Особенно мама сливалась со всей моей жизнью и редко вырисовывалась в отдельные картины.

Помню ее всегда занятой. Или она возится с кем-нибудь из нас, детей, или учит нас, или бегает по хозяйству, или с быстротой молнии строчит что-нибудь для нас или для папы на своей ножной швейной машине, или отшивает лекарство какой-нибудь больной бабе...

Вечером, когда все дела кончены, иногда папа с мамой садятся играть в четырех руки. Но чаще я помню мама за ее маленьким письменным столиком в углу гостиной.

Обыкновенно начинается с того, что является няня Марья Афанасьевна. Она стоит перед мамой со сложенными на животе руками и, склонив немного голову на один бок, выслушивает приказания относительно завтрашнего обеда... Затем мама с ней советуется о покупке яиц, кур и цыплят на деревне. Иногда они решают на утро послать в Тулу, и няня приносит тульские заборные книжки. Мама записывает провизию в книжку колониального магазина и мясной лавки.

Большую ложку, вынимает фильтр и дает нам пить это расщепленное сало. Другую ложку она растапливает для растирки горла, горла и подошв. После ничего не пишу, а только учусь».

Но Фет не верил в то, что папа может один одолеть такой трудный язык, и говорил

Кроме того, Фет имел привычку, разговаривая, очень тянуть слова и между словами мычать. Иногда он начинал рассказывать что-нибудь, что должно было быть смешным, и так долго тянул, так часто прерывал свою речь мычанием, что терпения недоставало дослушать его, и в конце концов рассказ выходил совсем не смешным.

Мои родители очень любили его. Было время, когда папа находил его самым умным из всех его знакомых и говорил, что, кроме Фета, у него никого нет, кто так понимал бы его и кто указывал бы ему дурное в его писаниях...

Мы с Ильей недоумевали перед сценкой папы и даже раз дружно посмеялись над почтенным Афанасием Афанасьевичем.

Как-то вечером мы, дети, сидели в зале за отдельным столиком и что-то клели, а «большие» пили чай и разговаривали.

До нас доносились слова Фета, рассказывающего своим тягучим голосом о том, какие у него скромные вкусы и как легко он может довольствоваться очень малым.

— Дайте мне хороших щей и горшок гречневой каши... мmmmm... и больше ничего... Дайте мне хороший кусок мяса... мmmmm... и больше ничего... Дайте мне... мmmmm... хорошую постель... и больше ничего...

И долго, мыча в промежутках между своей речью, Фет перечислял все необходимые для его благополучия предметы, а мы с Ильей, сидя за своим отдельным столиком, подталкивали друг друга под локоть и, сдерживая душивший нас смех, шепотом добавляли от себя еще разные необходимые потребности.

— И дайте мне по коробке конфет в день — и больше ничего, — шептал Илья, захлебываясь от смеха.

— И дайте мне хороший кильки и бутылку шампанского — и больше ничего, — подхватывала я тоже шепотом.

С Фетом приезжала его жена — милая, добрая Марья Петровна. Ее мы любили гораздо больше, чем ее знаменного мужа. Она со всеми была ласкова, и от нее так и веяло скромностью, снисходительностью и добротой.

С обоими супругами мы сохранили дружеские отношения до конца их жизни, а выросши, я полюбила истинное поэтическое дарование Афанасия Афанасьевича и научилась ценить его широкий ум.

така, что погибла, «Много-ко-что нужна и чаще у меня бывало вечером жу спать, — лаю», — пишет Сергею Львовичу в 1925 году. И максима говорят возвращение спящего музея.

Однако вернувшись к ней не привыкли Татьяны Львовны за итальянца, единственной решилась.

Но связь с семьей. Главный менный. Важно в архиве Татьяны Львовны нимает перед Сергеем Львовичем.

В переписке с многочисленными и с каждого, однажды также генеральским старшим отцом ему моральной последней троицей.

Через проходящую изучению и чества их Татьяна Львовна сообщает о Основными темами семейства Толстых и Толстые. «В Европе очень мало, это невозможно оживить интерес, который очень последнее возвращение сделало поднятие этого писала она 18 апреля 1925 года.

Сообщала и о том, что бежком в отношении Толстого — Илья. Татьяна писывалась встречалась с лениями деликатно. Писала о публичном Льва Львовича. Это вызвало интерес Сергея, же он не покидал выходки против его, а совсем быть несогласными взглянуть на него доброжелательно, чтобы его художественные изделия знамениты были жестянной машины 1937 г.).

За границе Толстого — Илья. Татьяна писывалась встречалась с лениями деликатно. Писала о публичном Льва Львовича. Это вызвало интерес Сергея, же он не покидал выходки против его, а совсем быть несогласными взглянуть на него доброжелательно, чтобы его художественные изделия знамениты были жестянной машины 1937 г.).

В конце 1925 года движением му 100-летию Толстого, на интересе Москве готовится Сергей Львович. За границе Толстого — Илья. Татьяна писывалась встречалась с лениями деликатно. Писала о публичном Льва Львовича. Это вызвало интерес Сергея, же он не покидал выходки против его, а совсем быть несогласными взглянуть на него доброжелательно, чтобы его художественные изделия знамениты были жестянной машины 1937 г.).

С конца 1925 года движением му 100-летию Толстого, на интересе Москве готовится Сергей Львович. За границе Толстого — Илья. Татьяна писывалась встречалась с лениями деликатно. Писала о публичном Льва Львовича. Это вызвало интерес Сергея, же он не покидал выходки против его, а совсем быть несогласными взглянуть на него доброжелательно, чтобы его художественные изделия знамениты были жестянной машины 1937 г.).

В конце 1925 года движением му 100-летию Толстого, на интересе Москве готовится Сергей Львович. За границе Толстого — Илья. Татьяна писывалась встречалась с лениями деликатно. Писала о публичном Льва Львовича. Это вызвало интерес Сергея, же он не покидал выходки против его, а совсем быть несогласными взглянуть на него доброжелательно, чтобы его художественные изделия знамениты были жестянной машины 1937 г.).

В конце 1925 года движением му 100-летию Толстого, на интересе Москве готовится Сергей Львович. За границе Толстого — Илья. Татьяна писывалась встречалась с лениями деликатно. Писала о публичном Льва Львовича. Это вызвало интерес Сергея, же он не покидал выходки против его, а совсем быть несогласными взглянуть на него доброжелательно, чтобы его художественные изделия знамениты были жестянной машины 1937 г.).

В конце 1925 года движением му 100-летию Толстого, на интересе Москве готовится Сергей Львович. За границе Толстого — Илья. Татьяна писывалась встречалась с лениями деликатно. Писала о публичном Льва Львовича. Это вызвало интерес Сергея, же он не покидал выходки против его, а совсем быть несогласными взглянуть на него доброжелательно, чтобы его художественные изделия знамениты были жестянной машины 1937 г.).

Т. А. СУХОТИНА-ТОЛСТАЯ

ДЕТСТВО

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

растярки больное горло повя-
зывается шерстяным чулком
непременно с левой ноги.

Отпустив няню с заборными книжками, мама принимается за переписку для папа. Долго ли это занятие продолжается, мы не знаем, так как, простишись с ней и с папа, мы уходим спать. Но по сосредоточенному лицу, наклоненному над исписанными отцом листочками бумаги, видно, что для нее начинается самая важная работа всего ее занятого дня.

Не успеваем мы с ней простишись, как она уже опять наклонила над рукописью свою красивую голову с гладко причесанными черными волосами и начинает опять своими близорукими глазами разбирать перечеркнутые и иногда вдоль и поперек исписанные страницы отцовской рукописи.

К утру у отца на письменном столе лежат чисто и разборчиво списанные листочки, которые он опять поправляет и к которым добавляет еще целые страницы, написанные его крупным неразборчивым почерком, а переписанные на кануне материю листки иногда целыми страницами одним штихом уничтожены.

Вечером мама опять все приводит в порядок, а на следующее утро папа опять перечеркнул и поправил написанное. И еще прибавил вновь исписанные листы...

Много, много дней, месяцев, а иногда и лет работал он над каким-нибудь своим сочинением, не жалея трудов для того, чтобы наилучшим образом написать то, что он задумал. Всю жизнь, пока я не выросла и не заменила ее, моя мать, за редкими исключениями, переписывала отцу его сочинения. Потом работу эту делала я, сестра Маша, а после Маша — до конца жизни делала ее младшая сестра Саша.

Иногда я вижу, как папа подходит к маме и через ее плечо смотрит на ее писание. А она при этом возьмет его большую сильную руку и с любовью и благоговением поцелует ее. Он с нежностью погладит ее гладкие черные волосы и поцелует ее в голову.

И в моем детском сердце поднимается при этом такая любовь к ним обоим, что хочется плакать и благодарить их за то, что они любят друг

своим друзьям, что обещает отдать свою кожу на пергамент для диплома греческого языка Толстому, если он выучится ему.

«...Ваша кожа, отдаваемая на пергамент для моего диплома греческого, находится в опасности,— пишет он Фету.— Невероятно и ни на что не похоже, но я прочел Ксенофона и теперь à l'ouvre ouvert (с листа — франц.) читаю его... Ради бога, объясните мне, почему никто не знает басен Эзопа, ни даже прелестного Ксенофона, не говорю уже о Платоне, Гомере, которые мне предстоят».

Иногда к папа езжали гости. Большой частью бывали умные люди, с которыми папа говорил о серьезных вопросах, нам недоступных.

Между ними были: П. Ф. Самарин, А. А. Фет-Шеншин, князь С. С. Урусов, граф А. П. Бобринский и другие.

Они мало обращали на нас, детей, внимания. Мы же любили наблюдать за ними и каждого по-своему судили.

К П. Ф. Самарину мы были довольно равнодушны. Папа говорил с ним всегда о серьезных предметах, а иногда спорил с ним о вопросах, для нас чуждых и непонятных. Мы называли такие разговоры «высшей степени слова»... и знали, что понять эти разговоры мы не в состоянии.

Раз только мы приняли очень живое участие в споре папа с Самарином. Это было по поводу ревности скаковых лошадей. Папа утверждал, что степные лошади не менее рез-

Л. Н. Толстой с дочерью — Т. А. Сухотиной-Толстой. Гаспра. 1902 г.

Т. М. Альбертина (внучка Л. Н. Толстого) с сыном Луиджи Альбертина в Ясной Поляне. Июль 1975 г.

Фото В. БРОМБЕРГА